

Тарас Дрозд

Князь Дмитрий Пожарский

драма

Действующие лица:

ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ - князь XVII века, от 30 до 40 лет.

КУЗЬМА МИНИН - нижегородский купец и староста, за 50.

ТРУБЕЦКОЙ - боярин, руководитель казацкого ополчения, 35 лет.

БОЯРИН - распорядитель на земском соборе, лет 60-ти.

КАЗАЦКИЙ ПОЛКОВНИК - участник выборного собора, лет 50-ти.

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА - участник выборного собора.

БОРИС САЛТЫКОВ - двоюродный брат молодого царя, лет 25-ти.

ПОРФИРИЙ СЕКИРИН - голова стрельцов.

ПРАСКОВЬЯ ВАРФОЛОМЕЕВНА - жена Пожарского.

СТАРИЦА МАРФА ИВАНОВНА - мать молодого царя, инокиня.

СТРЕЛЬЦЫ, МОНАХИНИ.

*КАРТИНА ПЕРВАЯ.**Пожарский и Минин.*

МИНИН. Ну вот, князь Дмитрий Михайлович, пришёл твой час. Свершилось то, о чём лишь мы друг с дружкой мечтали, когда создавали земское ополчение. Ты очистил от смуты Московию, о потому тебе, лишь тебе, освободителю от поляков и наших воров, царём быть.

ПОЖАРСКИЙ. Если такое сбудется, ты, Кузьма Минич, станешь при мне первым человеком. Начальником всех денежных и хлебных припасов.

МИНИН *(весело)*. Бояре не позволят.

ПОЖАРСКИЙ *(тоже весело)*. А я тебя указом поставлю смотреть за боярской думой.

МИНИН. Тогда сам долго на престоле не усидишь. Нет, Дмитрий Михайлович, мне больших чинов не надо. Мы люди тихие. А вот как тебе престол занять, тут придётся борьбу держать не хуже, чем с иноземцами.

ПОЖАРСКИЙ. Сейчас вроде как на мою сторону дело поворачивается.

МИНИН. Так-то оно так. Совет всей земли разослал грамоты, чтобы ни шведу, ни поляку, ни Маринке с её воровским сыночком крест не целовать. А избрать царя, какого Бог даст из русских народов. Поначалу все считали главным претендентом Трубецкого. Вы с ним победители. Он князь и ты князь.

ПОЖАРСКИЙ. Да что ты меня с лукавым Трубецким ровняешь? Он всегда за чужие спины прятался.

МИНИН. А потом всю славу себе прибирать начал. Во всех грамотах пишет, что он первый. Хотя вы оба временные соправители. Как вас ровнять? По делам и заслугам ты главный спаситель и освободитель. А по местам прежней службы, и по местам отечества, он боярин, а ты стольник. Он выше. Он тоже Москву брал со своим казачьим ополчением. А до тебя оборону держал.

ПОЖАРСКИЙ. Ты же помнишь, как он выжидал, побьют нас, или не побьют.

МИНИН. Помню. И в глаза его сотникам всё тогда высказал. Да что с них возьмёшь? Воровские души. Однако их все боятся. Наши дворяне всех волостей и дети боярские высказались едино. Не бывать вместе нашему ополчению с казацким. Однако ж побаиваются их силы. Да, поначалу Москва встречала казаков радостно. А когда эти разбойники разгулялись, им уже не верят.

ПОЖАРСКИЙ. Они по всем землям не добрую славу о себе оставили.

МИНИН. Трубецкой почему и хотел, чтобы царя выбрали всей Москвой да поскорее. Однако митрополит Кирилл и архиепископы не дали благословения. Повелели решать собором всей земли. Чтобы прислали от попов, дворян, горожан и крестьян разумных и надёжных людей. Тут и покатила вниз слава Трубецкого. Там-то хорошо запомнили, что его казачки вытворяли. Это ещё на собор не подъехали главные бояре. Они-то ему точно ходу не дадут.

ПОЖАРСКИЙ. Да они сами все поляками замазаны. И Салтыковы, и Романовы, и Долгорукие, и Мстиславский, и Лыков, все, ни одному, так другому самозванцу служили. Да милости принимали!

МИНИН. Один ты у нас чистый, князь Дмитрий Михайлович. Не вертел душой туда-сюда. Вот и надобно, чтобы собор тебя выбрал.

ПОЖАРСКИЙ (*задумчиво*). Чтобы царя выбирали... Никогда такого на Руси не бывало...

МИНИН. Вот и надо, чтобы собор правильно решил.

ПОЖАРСКИЙ. Ты всё куда-то тянешь. Говори прямо, Кузьма Минич.

МИНИН. Я купец, Дмитрий Михайлович, и твёрдо знаю одно. Деньги очень многое решают. Тут надо денег не пожалеть.

ПОЖАРСКИЙ (*не сразу*). Сколько?

МИНИН (*пожав плечами*). У меня столько не осталось. Ты хоть и поставил меня дознавать, куда из Кремля ценности расхитили, вернули мы кое-что, но то всё для будущей казны. Дьяки строгий учёт ведут. Если что-то пропадёт оттуда, о тебе могут худые слухи пойти.

ПОЖАРСКИЙ. А если я деньги стану давать на подкуп, слухи разве не пойдут?

МИНИН. Из казны ополчения нашего тоже лучше не брать. Да там мало что осталось. Люди скоро по домам вернутся, как прознают, что нечем дальше жалованье платить. У Трубецкого давно нечем платить, так что его казачки ещё раньше разъедутся.

ПОЖАРСКИЙ. Разъедутся те, у кого земли. А бывшим холопам да разбойникам, которых он в казаки напринимал, тем куда ехать? Те будут жалованья ждать.

МИНИН. Решай, Дмитрий Михайлович.

ПОЖАРСКИЙ. Так скажи, если я денег не пожалею, от этого разве худая слава не пойдёт?

МИНИН. Уж поверь мне, Дмитрий Михайлович, бояре никаких денег не пожалеют, чтобы своего в цари выбрать. Помнишь, как они ловко Шуйского в государи произвели, чтобы только никаких самозванцев? А ведь сами Лжедмитрия и поляков на Москву зазывали, лишь бы Годунова скинуть.

ПОЖАРСКИЙ. Василий Шуйский был Рюрикович. Его род выше по старшинству, чем линия самого Ивана Грозного. За что покойный не любил и расправлялся с боярами. Царство небесное... *(Оба суеверно крестятся.)* Вот ведь... *(Весело и тихо.)* Столько лет прошло, а мы до сих пор боимся прежнего... Страх берёт, как вспомним его прядки.

МИНИН. Вот почему я и говорю, что бояре ничего не пожалеют, лишь бы прежние порядки не вернулись. Чтобы только по ихнему было.

ПОЖАРСКИЙ. Хорошо ли будет, если я стану деньги давать?

МИНИН. Все так делают. И делать будут.

ПОЖАРСКИЙ. Ладно. Бери из моих. Я велю, чтобы ты моей казной распоряжался.

МИНИН. Нет, князь. Твоей казной пусть твой дьячок распоряжается. А ты вели, чтобы он выдавал мне сколько надобно.

ПОЖАРСКИЙ. Добро.

Минин кланяется.

Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ

*Пожарский на земском соборе.
Шум, выкрики.*

ПОЖАРСКИЙ. Тихо!.. Тихо, моё слово! *(Шум стихает.)* Вот вы здесь все кричите за князя Трубецкого. Не все. Только выборщики от казаков. Но громче всех. *(Выкрики: «Трубецкого! Трубецкого в цари!»)* Ага, не только от казаков. Понятно. А теперь послушайте, кого вы собираетесь выбрать собором всей нашей земли.

Выходит Трубецкой.

ТРУБЕЦКОЙ. Не по чести так, Дмитрий Михайлович! Мы с тобой порешили временно править на равных. А выборщики пусть сами выкрикнут и подпишут, кто из нас более царь. Не дави на них. Не подсказывай.

ПОЖАРСКИЙ. Я лишь напомнить хочу.

ТРУБЕЦКОЙ. Не надо им ничего напоминать. Пусть они сами.

ПОЖАРСКИЙ. А я всё-таки напомню кое-что.

ТРУБЕЦКОЙ. Не смей!

ПОЖАРСКИЙ. Чего? Ты над кем решил командовать? Мы же с тобой на равных. Здесь все знают. А ты в грамотах стал подписываться как главный временным управлением на Москве. Как же так, Дмитрий Тимофеевич? А уж моей-то заслуги куда больше по освобождению от поляков. Мои полки дрались, а ты всё выжидал. Здесь многие это помнят. И твои соврать не дадут. Как ты не пришёл мне на подмогу в тяжкую годину. А мог всего лишь полякам и литвинам в тыл ударить.

ТРУБЕЦКОЙ. Не было такого!

ПОЖАРСКИЙ. Было! Пусть собор нас рассудит. Здесь много тех, кто помнит. Как твои полковники сами на подмогу кинулись, без твоего приказа, когда моим худо стало. Было такое, полковники? *(Тишина.)* А как старец Авраамий вас слёзно умолял идти на Сергиев, и вы рванулись туда героями лишь тогда, когда вам казну пообещали. Что же вы молчите, полковники? *(Высматривает среди сидящих.)* Они же здесь где-то сидят, я же видел. Ну, скажите правду!.. Не хотят говорить. Тогда я скажу. А дальше я вот что хочу сказать.

ТРУБЕЦКОЙ. Зря стараешься, Дмитрий Михайлович. Не позорься. Не смехи выборных людей и духовенство. Все же знают, что я был главным в деле освобождения Москвы. Что бы ты без моих казаков сделал?

ПОЖАРСКИЙ. Ты славный воин, Дмитрий Тимофеевич. На твоей стороне сила. Твоих казаков бояться, вот ты и правишь. Мои дворяне-ополченцы тоже тебя побаиваются. Кроме меня. Я-то тебя не боюсь. Потому что на моей стороне правда. А ты кривил душой, метался, служил второму и третьему самозванцам. Причём, как ты мог третьему крест целовать, будто он чудом выживший царевич Дмитрий, если второго, тушинского вора, сам хоронил? Как же ты мог покойника признать в живом третьем?

ТРУБЕЦКОЙ. Я служил делу спасения отечества!

ПОЖАРСКИЙ. Не кричи так, Дмитрий Тимофеевич.

ТРУБЕЦКОЙ. Я же сам его и арестовал. Мои люди привезли его и заковали. Он до сих пор в яме сидит. *(Распаляясь.)* Да мои атаманы отбили короля Сигизмунда, который шёл воротить Москву в польские руки!.. А твои дворяне, для которых служба их родовое дело, мало пригодными оказались. *(Успокаиваясь.)* Я не про то хотел... Ты... Ты не почину лезешь, Дмитрий Михайлович. Я боярин, а ты стольник!

ПОЖАРСКИЙ. Тихо! Боярином тебя назначил тушинский вор. Это помнить надо. Видным боярином был твой отец при прежних царях. Тут ничего не скажешь. А мы с тобой были стольниками при Годунове. Причём я при отце служил, а ты при сыне.

ТРУБЕЦКОЙ. Пожарские люди не разрядные. Обедневшего княжеского рода. Все знают. А собор твёрдо порешил, чтобы новому государю быть из московских знатных родов.

ПОЖАРСКИЙ. Мой род не разбогател только потому, что в Костроме получили вотчину. И служили там всегда честно. А на Москве у нас свои земли всегда были. Куда мы с матушкой и переехали. Я своим умением и разумом до стольников дослужился. Меня ещё Василий Шуйский посылал воеводой под Коломну, где я литовцев и казачков наших, воров, разбил и прогнал. А мне тогда не было ещё и тридцати лет.

*Выкрики: «Боярин идёт! Боярин сейчас молвит!»
Выходит Боярин.*

БОЯРИН. Значит так!.. Тихо!.. Много дней мы тут спорим и кричим, а толку мало. Митрополит, духовенство наше, мы, бояре и окольничьи, порешили так. Выбрать в государи кого-то из московских знатных не получается. А посему следует выбирать из родственников государя блаженные памяти Фёдора Иоанновича. *(Крестится.)* Чтобы мирно было, как прежде. Ежели выборные люди согласны, значит, так тому и быть.

*Выкрики: «Согласны! Родственника покойного царя!»
Боярин разводит руками перед Пожарским и Трубецким.*

ПОЖАРСКИЙ. Вот и весь наш спор, князь Дмитрий Тимофеевич.

ТРУБЕЦКОЙ. А чему ты радуешься, Дмитрий Михайлович?

ПОЖАРСКИЙ. Я-то родственник. Я-то Рюрикович. А ты Гедиминович. Тоже знатного рода, но не царского.

*Трубецкой отходит в сторону, к нему выбегает казацкий полковник и что-то яростно доказывает, размахивая руками.
К Пожарскому выходит Минин.
Боярин призывает жестами собор успокоиться.*

МИНИН. Держись, Дмитрий Михайлович. Весь посад за тебя.

ПОЖАРСКИЙ *(весело)*. Не в первый раз, Кузьма Минич!..

Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Пожарский на соборе.

ПОЖАРСКИЙ. Я вот что ещё сказать хочу. Мы все на нашем соборе всей земли делаем неслыханное и благословенное дело...

Выходит Трубецкой.

ТРУБЕЦКОЙ. Ты уже говорил это, князь. Мы слышали. Сейчас боярин выскажет, чего они там порешили. А по-твоему не бывать. Все знают, что твои люди выборщикам деньги платили, чтобы за тебя голос подавали. Тем, что сомневаются.

ПОЖАРСКИЙ. Ты что такое говоришь, князь?

ТРУБЕЦКОЙ. Как я посмел? Да только я и могу тебе правду в глаза сказать. По слухам твой Кузьма Минин до двух тысяч потратил.

ПОЖАРСКИЙ. А ты разве денег не давал? Поносные речи твои, князь.

ТРУБЕЦКОЙ. Как и твои. Про меня таких слухов не ходит.

ПОЖАРСКИЙ. За меня никто голоса ещё не подавал.

ТРУБЕЦКОЙ. Да сам посуди, кто же за тебя, после такой молвы, решиться голос выкликнуть? Если уж меня не выберут, то и тебя тоже.

ПОЖАРСКИЙ. Ловко ты подстроил.

ТРУБЕЦКОЙ. Давай, послушаем, чего боярин скажет.

Выходит Боярин.

БОЯРИН. Велено зачитать пожалованную грамоту от собора... *(Кашляет, просматривая грамоту.)* Божией милостью великих государств Российского царства митрополиты, архиепископы, архимандриты и весь освященный собор приговорили боярину и воеводе князю Трубецкому Дмитрию Тимофеевичу дати в вотчину городок Вагу со всеми...

ПОЖАРСКИЙ *(перебивая возмущённо)*. Лучшую волость? Которой Годунов раньше владел?

БОЯРИН. А тебе, князь, и сыну твоему Нефёду, пожаловать за Московское избавление и очищение село Белогорье с деревнями. Грамоту сейчас пишут. Прочими милостями наградит вас уже будущий царь.

ТРУБЕЦКОЙ. Как царь?

ПОЖАРСКИЙ. Какой царь?

ТРУБЕЦКОЙ. Мы же не выбрали ещё...

БОЯРИН. Больше месяца мы тут судили да рядили... И вас предлагали, и Голицына, и Мстиславского... И пришли к общей мысли, чтобы избрать из ближних родственников праведного и великого государя царя покойного Фёдора Иоанновича, царство небесное... *(Крестится.)* Его племянника Михаила Фёдоровича Романова-Юрьева.

ПОЖАРСКИЙ. Вот оно как?.. Нет, погоди, боярин. Это вы только задумали. Это вы только хотите избрать его.

БОЯРИН. Решено послать людей по всем волостям, чтобы тайно выведать, как весь народ к будущему царю отнесётся. За Мишу Романова ещё покойный Гермоген ратовал, да только его тогда никто не послушал. А ещё патриарх завещал решать всё советом да любовью. Ссору отдавать на суд третьему, как встарь. Ну что вы грызётесь? Как паны в осаде жрали друг дружку, так и вы теперь. Давайте, я вас разведу миром.

ТРУБЕЦКОЙ. Ты лучше вот что скажи. Мне для того и пожаловали волость, чтобы я на большее не зарился?

БОЯРИН. Ты же сам хотел. Ну, так получи. А твоим воинам обещают хорошо заплатить за верную службу.

ТРУБЕЦКОЙ. Никто из моих выборных казаков и нашего духовенства за Романова голоса не подаст. Он же с матерью и дядей своим у поляков в Кремле были.

БОЯРИН. Они страдали там под тяготами невольного сидения.

ТРУБЕЦКОЙ. А его отец, постриженный в Филарета, обоим самозванцам служил. Мне ли не знать? Более того, второй Лжедмитрий провозгласил его патриархом. Это же наглость неслыханная, чтобы самозванец патриарха назначал.

БОЯРИН. Он сейчас как патриарх и сидит в плену у поляков.

ТРУБЕЦКОЙ (*Пожарскому*). Вот оно как. А ты мне в вину ставишь, что я самозванцу присягал. Я против поляков боролся. А Романовы с поляками замешаны, особенно его дядя.

ПОЖАРСКИЙ. Ты все заслуги ополчения себе приписал. Как будто и не было Ляпунова. А когда казаки твоего дружка Заруцкого изрубили Прокопия, ты мог вступиться, да не захотел.

ТРУБЕЦКОЙ. Меня там не было! И не смей меня называть другом предателя Заруцкого.

ПОЖАРСКИЙ. А когда Заруцкий посылал меня убить, ты разве про то не знал? Вы же с ним вместе верховодили после Ляпунова.

БОЯРИН. Ну что вы опять?

ПОЖАРСКИЙ (*боярину*). Ты разве забыл, как выходил ко мне из Кремля со своими, а мы вас с почётом встречали, потому что если б вышли к казакам из полона, там бы вас пограбили до нитки. (*Трубецкому.*) Мы пленных встречали у Троицких ворот, и, как было клятвенно заручено, никого не тронули. А твои казаки всех пленных перебили, чтобы последнее отнять у голодных.

ТРУБЕЦКОЙ. Не всех!

БОЯРИН. Вы грамоту будущему царю подписывать будете?

ТРУБЕЦКОЙ. Какую грамоту?

БОЯРИН. Надо ж будет писать, что бьём челом и просим володеть нами...

ТРУБЕЦКОЙ. Я такую грамоту не подпишу.

БОЯРИН. А ты, князь?

ПОЖАРСКИЙ. Как я могу бить челом, если царя ещё не выбрали? Кому?

БОЯРИН. А когда выберут?

ПОЖАРСКИЙ. Тогда видно и будет.

БОЯРИН. А жалованную грамоту Трубецкому от собора подписать надобно. (*Показывает грамоту, которую читал.*) Ты ж у нас один из соправителей.

ПОЖАРСКИЙ. Потом.

*Трубецкой отходит в одну сторону,
к нему подбегает казацкий полковник.
Пожарский отходит в другую сторону,
к нему подходит Минин.*

МИНИН. Ты слухов не бойся, Дмитрий Михайлович. Про него не слухи, про него правду доподлинную говорят, как его казаки людей купеческих да черносошенных грабят. Он что, не знает, как Вологду пожгли его разбойники?

ПОЖАРСКИЙ. Мишку Романова хотят, слышал? Отрока в цари! За какие такие заслуги?

МИНИН. Это бояре мутят. Ни Голицын, ни Мстиславский не прошли, вот теперь им надо непременно своего, родственника. Вспомни, как они в Кремле у поляков сидели, а Шереметева против нас тайно науськивали. Теперь бояться владычество упустить. Да ничего у них не выйдет. Наши будут против, казаки против, а остальным выборным правду расскажем, как Романовы с поляками дружились. Мы туман лукавства развеем.

ПОЖАРСКИЙ. Дай-то Бог.

Затемнение.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ.

Собор.

БОЯРИН. Тихо!.. Тихо все, ничего же не слышать!.. Приехал к нам выборный дворянин из Галича и привёз писание. Иди сюда. Читай.

Выходит дворянин из Галича.

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА (*волнуясь*). Велено мне зачитать вот такое писание... Писано давно...

БОЯРИН. Давно писано. Слышите?

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА (*читает, быстро и негромко бормоча*). Царь Фёдор Иванович, отходя с этого света, вручил свой скипетр и венец своему братану боярину Фёдору Романову... Годунов узнал про это и заточил боярина с его сыном Михаилом в Сийский монастырь, чтобы самому царством владеть, что и случилось... Теперь же боярин Фёдор Никитич является постриженным Филаретом, митрополитом Ростовским, а сын его боярин Михаил пребывает в Костромских местах в монастыре с матерью своею...

БОЯРИН. Ну что ты там бубнишь? Громче читай.

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА (*прокашлявшись, громче и медленнее*). А тот Михаил Фёдорович царю Фёдору Иоановичу по сродству племянник, по матери царя, Анастасии Романовне, что была супругою царю Ивану Васильевичу. Тот да будет царь, а кроме него никто иной быть не может.

Выбегает Пожарский.

ПОЖАРСКИЙ. Ты откуда приехал, дворянчик?

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА. Из Галича мы. Костромских земель.

ПОЖАРСКИЙ. Кто это писал?

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА. В наших краях писали...

ПОЖАРСКИЙ. Кто именно писал, я спрашиваю? Дьяки или монахи?

Не могли костромские такое написать!..

ДВОРЯНИН ИЗ ГАЛИЧА. Мне велено было зачитать...

ПОЖАРСКИЙ (*громко, всем*). Послушайте меня!.. Тут написал кто-то, что Миша Романов по сродству племянник покойному царю Фёдору Иоанновичу...

БОЯРИН. Так он племянник и есть.

ПОЖАРСКИЙ. Не прямой же! Двоюродный!

БОЯРИН. Прямой, кривой, какая разница?

БОЯРИН. Так ведь можно договориться, что Иоанн Васильевич Грозный был ему дед!

БОЯРИН. Так он дедом и был, если разобраться.

ПОЖАРСКИЙ. Да ты что такое говоришь? Дедов у каждого человека может быть только двое. Отец матери и отец отца. Батюшкой отца Миши был Никита Романович Захарьин-Юрьев, от него и пошла фамилия Романовы. А батюшку матери, ныне монахини Марфы Ивановны, бывшей Ксении Шестовой из рода Морозовых, вообще никто не вспомнит сейчас.

БОЯРИН. Так если батюшка отца Миши, дед Никита Романович, был родным братом царицы Анастасии, жене Ивана Васильевича Грозного, так значит и мужу её сродственник, а потому оба дедами и являются. Ну, не прямой дед, а двоюродный, чего такого? (*Дворянину из Галича.*) Ты всё прочёл? Иди уже. Чего топчешься?

Дворянин из Галича уходит.

На его место выбегает казацкий атаман.

АТАМАН (*потрясая свитком*). Вот! Вот истинное писание!

БОЯРИН. Откуда?

АТАМАН. Я атаман славного Дону. У меня истинное, самое истинное писание.

ПОЖАРСКИЙ. О чём же ваше писание, атамане?

АТАМАН. О том, что Михаил Романов есть самый природный государь. Природный! Богом данный!

ПОЖАРСКИЙ. Ну, так читайте же.

АТАМАН. Это самое истинное писание. Самое-самое!..

БОЯРИН. Да он читать не умеет.

АТАМАН (*подаёт свиток боярину*). Вы сами давайте. Там истинно написано. Истинно! Что Михаил Фёдорович есть природный царь! (*Уходит.*)

БОЯРИН. Не выборный, а природный. От Бога и кесаря Августа, посланного свыше.

ПОЖАРСКИЙ. Да какой же он природный? Он даже не Рюрикович! Романовы из рода Захарьевых, а те пошли от Фёдора Кошки, который появился на Москве во времена Калиты!

БОЯРИН (*просматривая свиток*). Чего ты так надрываешься, князь?

ПОЖАРСКИЙ. Да потому что я истинный Рюрикович! Мой род Стародубских идёт от самого Всеволода Большое Гнездо! А он был внуком Владимира Мономаха! А отцом Всеволода был сам Юрий Долгорукий, который для вас каменную Москву заложил!

БОЯРИН. Тут написано, что он природный царь. Что ему быть государем-царём и великим князем. И если собор с выписью согласен...

Крики: «Романова! Романова на царство!»

ПОЖАРСКИЙ. Да как же так?.. Кузьма Минич, что же это?

МИНИН (*выбегая*). Тебе худо, Дмитрий Михайлович?

ПОЖАРСКИЙ. Как же это? Почему за меня никто не выкрикнул?

МИНИН. Я поостерёгся больше денег давать.

ПОЖАРСКИЙ. Да я ждал, чтобы хоть кто-то по доброй воле, без денег!..

МИНИН. Кричали. Да их никто не слушал.

К ним подходит Трубецкой.

ТРУБЕЦКОЙ. Смири гордыню, князь. Наше дело служба.

БОЯРИН. И духовенство полностью согласно. Кроме некоторых казацких. Всё, как завещал покойный Гермоген. А уж он-то натерпелся и знал.

ПОЖАРСКИЙ (*Трубецкому*). Почему казаки все в один голос? Ты же говорил, что из твоих никто за Романова не будет.

МИНИН. Да потому что исхудали совсем, давно без жалованья сидят. А чем скорее царь, тем скорее их на службу поставят.

БОЯРИН. Вы что же, хотите, чтобы завтра смута опять? Новое кровопролитие?

ТРУБЕЦКОЙ. Нет, боярин, мы такого совсем не хотим.

ПОЖАРСКИЙ. Всё. Наше дело кроткая служба.

БОЯРИН. Теперь от собора челобитную писать надобно. Умаливать избранного собором царя поскорее сюда воротиться.

ТРУБЕЦКОЙ. Вам сначала матушку уговорить придётся. Чтобы старица Марфа согласие дала молодого сына венчать на государство.

БОЯРИН. Это дело Шереметеву поручим. Он её брат, он к её сердцу дорогу знает. Вы челобитные подпишите? После митрополитов и епископов ваши подписи должны стоять, как временных соправителей.

ПОЖАРСКИЙ. Подпишем, конечно. (*Смотрит на отвернувшегося Трубецкого.*) Если вся земля так порешила, то я против никак не пойду.

Затемнение.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Прошло два месяца.

БОЯРИН. Два месяца прошло, а избранный государь на Москву не торопиться. Давно уже Шереметев Марфу Ивановну уговорил. Та поначалу против была, но потом согласилась.

ТРУБЕЦКОЙ. Ну, ещё бы!

БОЯРИН. Хульные слова говоришь, князь.

ТРУБЕЦКОЙ. Я ничего худого не сказал. Все помнят, что отец государя, Фёдор Романов был двоюродным братом последнего царя. А когда Фёдор Иоаннович отходил, то ему первому скипетр вручил. За что Годунов потом постриг его в Филареты, а Романовых гнобил. Теперь власть, наконец-то, в своё лоно вернулась. Вот что я сказать хотел.

БОЯРИН. Из-за тебя, из-за твоих разбойников царь боится приезжать. От Ярославля до Москвы три дня ходу, а он там стоит.

ПОЖАРСКИЙ. А чего нас теперь бояться? У нас власти уже нет. Все дворяне и помещики служилые на поклон к царю бегут. На наши грамоты не отвечают, хоть мы и приказываем от его имени. Мы даже собрать ничего не можем на приезд царя, всё, что ни соберут, всё в Ярославль отвозят, нас не слушает никто.

ТРУБЕЦКОЙ. Мстиславский теперь главный временный правитель. Царь только ему пишет. Как и мать государя. Через Мстиславского нам повеления дают. Так что нашей власти и силы теперь нет.

БОЯРИН. Чтоб царь в это поверил, надо бы вам особую челобитную послать.

ТРУБЕЦКОЙ. Какую это ещё особую?

ПОЖАРСКИЙ. Мы чуть ли не каждый день пишем. Всё как есть честно описываем. От имени всего собора.

ТРУБЕЦКОЙ. Почему не простую грамоту, а челобитную? Мы о чём-то просить должны?

БОЯРИН. Царь винит всех бояр, что не могут навести порядок. Из-за разбоя на дорогах он и не может наладить верную переписку со столицей, потому что и его и московских гонцов грабят. Из-за этого Михаил Фёдорович и матушка его не желают, отказываются ехать на Москву. Он указывает огласить закон на Земском соборе, по которому следует сыскивать всех грабителей и воров.

ТРУБЕЦКОЙ. Так если он боярам велит навести порядок, мы-то здесь при чём?

ПОЖАРСКИЙ. Мы даже воевод назначить не можем на защиту. Все знатные служилые к нему обращаются, как царь повелит. Нас не слушает никто.

БОЯРИН. Да потому что вас он считает повинными. Ваши люди шалят? От него атаманы и казаки сбежали и занялись грабежом на московских дорогах. Прежде они у вас служили.

ТРУБЕЦКОЙ. А почему же они сбежали? Сначала от нас, теперь от него?

БОЯРИН. Они же просят жалованья за службу, да прокорм лошадям. А что царь может им дать?

ПОЖАРСКИЙ. Так и у нас ничего нету.

БОЯРИН. А порядок должен быть! Велено сыскивать главарей и бросать в тюрьму. Потому как никакие люди с товарами и хлебом к Москве не поедут. От того все дороги затворятся.

ПОЖАРСКИЙ. Что нам по силам, то мы и делаем. Каждый день инспекции у атаманов. Кого уличим в воровстве, сразу под суд. Головные ездят по таборам и следят, чтобы не было пьянства и беспорядков. А на дальние дороги, за тридцать вёрст, нам и послать некого.

ТРУБЕЦКОЙ. Ты говори, боярин, чего писать надобно.

БОЯРИН. Решено бить челом и слёзно молить, чтобы государь шёл на царский престол не замешкав. Грамоту отправят с Иваном Шереметевым, которого царь прислал к нам.

ТРУБЕЦКОЙ. Мы-то что должны сделать?

БОЯРИН. Решено выслать к царю посольство во главе с боярами Воротынским и Морозовым. Чтобы знал, что на дорогах безопасно. Им дан наказ умолять царя, и его мать, и митрополита с ними, поскорее к Москве ехать, где их заждались и встретят с чудотворными иконами. Расписано как, и где, и кто встречать будет, и куда препроводят, и когда будет венчание. Перечислены все знатные люди.

ТРУБЕЦКОЙ. И мы тоже?

БОЯРИН. Нет. Там будут имена тех, кто выехал к царю в посольстве. Бояре, окольниковы, стольники, стряпчие, дьяки и атаманы. Вы тут остаётесь. Поэтому от вас надобно челобитную отдельно, где хорошо бы написать, что победа произошла по милости Бога, пречистой Богородицы и твоим государевым счастьем, а также верной службой дворян, приказных людей, атаманов, казаков, стрельцов и всяких служилых людей. Что все, кто освобождал Москву, просят царя милости увидеть его царские пресветлые очи. Ну и спросите, где вам находиться, в котором месте ехать навстречу.

ТРУБЕЦКОЙ. Мы должны первыми царя встречать.

БОЯРИН. А подписать следует так. Холопы твои Митька Трубецкой да Митька Пожарский.

ТРУБЕЦКОЙ. Это что за новость, боярин?

ПОЖАРСКИЙ. Мы никогда так не писали.

ТРУБЕЦКОЙ. Мы писались всегда воевода боярин князь Трубецкой и воевода стольник князь Пожарский.

ПОЖАРСКИЙ. Он первый, а я второй по местам значимости.

БОЯРИН. Сейчас лучше так подписать.

ТРУБЕЦКОЙ. Почему это?

БОЯРИН. Мстиславский просит. Он, когда переписку налаживал, поначалу все свои звания и прошлые заслуги перечислял. А как стал называться просто, холопы твои Феодорец Мстиславский со товарищи, так дело пошло. Царь только к нему гонцов шлёт.

ТРУБЕЦКОЙ. Мстиславский стал писать про себя холоп Феодорец?

БОЯРИН. Ну, если так для дела надо.

ПОЖАРСКИЙ (*Трубецкому*). Подпишем?

ТРУБЕЦКОЙ. Не думаю, что так лучше будет.

БОЯРИН. Чем скорее царь приедет к нам, тем лучше и будет. Разве не так? Поэтому всё для этого сделать надобно. А уж далее всё пойдёт как по маслу. Мстиславский с Шереметьевым уже весь ход венчания на царство расписали.

ТРУБЕЦКОЙ. Ну, и как там выходит?

БОЯРИН. Венец понесёт с Казённого двора, первую регалию, Иван Никитич Романов. Ты будешь держать скипетр, а тебе, Пожарский, державу нести, яблоко владомое.

ТРУБЕЦКОЙ. Чего? Почему это я второй? Я по месту отеческому выше Романова.

БОЯРИН. Не сердись ты, князь Дмитрий Тимофеевич. Да, Романов меньше тебя по месту и роду, но он царю дядя.

ПОЖАРСКИЙ. Подпишем?

БОЯРИН. Тебя, князь Пожарский, сразу после венчания боярином сделают. Шереметев с царём все будущие милости уже оговорил.

ТРУБЕЦКОЙ. А мне что будет?

БОЯРИН. Твоё боярство за тобой сохранится, хоть и выдал тебе его тушинский вор. Получается, что и ты боярство как бы получишь. Тебе же за заслуги дали лучшую волость, которой раньше цари владели. Тебе всё мало?

ПОЖАРСКИЙ. А как наградят Кузьму Минина за заслуги?

БОЯРИН. Как-то наградят. Не оставят. Боярство ему дать никак нельзя.

ПОЖАРСКИЙ. Но дворянином-то сделать можно? И выдать богатое село в нижегородских землях.

БОЯРИН. Это сделаем.

ПОЖАРСКИЙ. И непременно чтобы в Думе сидел. С хорошим окладом.

БОЯРИН. Чего? Чтобы Кузёмку, который говядиной торговал, в боярскую думу?

ПОЖАРСКИЙ. Не Кузёмку, а Кузьму Минича! Он для вас отечество спас. Чтобы вы тешились теперь своим великородством. У меня много было воевод и дворян, для которых военная служба их родовое дело, но никто не смог так, как Минин. Он попросил у меня три сотни, чтобы ударить по полякам в самый трудный час. Он принёс нам победу тогда.

БОЯРИН. Если другие подтвердят, то государь так и сделает.

ПОЖАРСКИЙ. А то ты не знаешь?

БОЯРИН. Как ты хочешь, так и будет.

ПОЖАРСКИЙ. Тогда подпишу вашу грамоту хоть сейчас. Скажи Мстиславскому, пусть сочиняет челобитную, какую посчитает нужной.

БОЯРИН. Да челобитная готова. Вот она. *(Достаёт документ.)* Дьяк всю ночь писал. Посольство же сегодня отправляется. Они передадут царю свои писания, а Шереметев эту, от вас.

ПОЖАРСКИЙ. Давай перо. *(Подписывает челобитную, передаёт перо Трубецкому.)*

ТРУБЕЦКОЙ *(взяв перо)*. Так-то вот, Дмитрий Михайлович.

ПОЖАРСКИЙ. Сам же говорил. Наше дело – верная служба.

Затемнение.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Пожарский и Минин.

МИНИН. Хотели мы туман лукавства развеять, да не вышло.

ПОЖАРСКИЙ. Как ты развеешь туман, который в душах? *(Пауза.)*
Они все были сторонниками поляков, а теперь выдают себя за жертвы.

МИНИН. А казаки теперь хотят постоянный доход, чтобы их рассматривали, как служилое сословие.

ПОЖАРСКИЙ. Смута породила в умах наших страшную беду. Все хотят подняться выше своего звания. Холопы в казаки, дворяне в бояре, рабы в господа. И мы с тобой такие же.

МИНИН. Мы же по заслугам.

ПОЖАРСКИЙ. Все так и говорят. А поди, разбери, кто по заслугам, а кто гонором.

МИНИН. Да, всех перемешали ворами, а потому истинных и не видно.

ПОЖАРСКИЙ. Вот ты сейчас можешь уехать к себе в Нижний? Тебе там село дали в награду.

МИНИН. Хочу. Надоело мне здесь.

ПОЖАРСКИЙ. Не уедешь. Потому что здесь ты думный дворянин. С хорошим жалованьем. И я не уеду. Хотя тянет, ох как тянет меня в родные Костромские края. Не отпустят. Служба.

МИНИН. Тебе-то чего уезжать? Ты на родине только в детстве жил. У тебя здесь дом. Дали место под новый. Есть родовой на Лубянке, теперь стройся на Сретенке.

ПОЖАРСКИЙ. Задумал я главное дело, Кузьма Минич. Для чего и позвал тебя на разговор. Хочу поставить храм иконы Казанской божьей матери. Которую, как главную святыню, ещё Ляпунову в первое ополчение из Казани выслали, а я тогда у него служил. Потом её к нам в Ярославль препроводили, и мы ради неё трехдневный пост держали. Помнишь, сколько раз она выручала, и как нас до главной победа довела? Если я такой храм построю, да на свои средства, тогда уж наши имена по всей правде надолго для потомков останутся.

МИНИН. Возьми и моих денег, Дмитрий Фёдорович.

ПОЖАРСКИЙ. Я просить у тебя в долг хочу. Моих-то средств почти не осталось после всей этой соборной круговерти.

МИНИН. Бери сколько надо, Дмитрий Фёдорович. Какие между нами счёты? И от меня возьми. Сейчас много нет, но скоро будут. Я тебе дам как бы в долг, но без всякой отдачи.

ПОЖАРСКИЙ. Вот спасибо тебе, дорогой ты мой друг. Господь тебя не забудет.

МИНИН. Да ну что ты такое говоришь? Это я тебя благодарить должен, за то, что мне честь такую оказываешь.

Обнимаются.

Затемнение.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Прошло полгода.

ПОЖАРСКИЙ. Здравствуй, свет боярин. Говорят, ты большую милость получил за свои страдания в Кремле у поляков.

БОЯРИН. Не легко с тобой, князь. Не поймёшь, когда ты смеёшься, а когда искренне говоришь.

ПОЖАРСКИЙ. С чем пожаловал? Для меня такой гость в редкость.

БОЯРИН. Повеление от царя.

ПОЖАРСКИЙ. Слушаю.

БОЯРИН. Государь наш даёт боярский чин Бориске Салтыкову. Так как он Большим дворцом ведает.

ПОЖАРСКИЙ. Ловко.

БОЯРИН. Что, ловко?

ПОЖАРСКИЙ. Ловко Салтыковы в царский двор вошли и всех отодвинули, даже Романова с Шереметевым. Да оно и понятно. Родственники государыни старицы, матери царя.

БОЯРИН. Тебе велено объявить ему боярство.

ПОЖАРСКИЙ. Что?

БОЯРИН. Ты младший из нас. Остальным не по чину.

ПОЖАРСКИЙ. Мне идти на поклон к отпрыску изменнического племени? Его дядя звал поляков на престол и сбежал к королю на службу.

БОЯРИН. Так то дядя.

ПОЖАРСКИЙ. А он где был, когда мы Москву освобождали?

БОЯРИН. Ты за честную службу милости получил. За службу государь жалует поместьями и деньгами, но не отечеством. А отеческий род всему голова. Не пойдёшь?

ПОЖАРСКИЙ. Не пойду.

БОЯРИН. Царь велит.

ПОЖАРСКИЙ. Не могу. Скажи государю, мне Бог идти не даёт.

БОЯРИН. Ну, ты уж высоко-то не бери!.. Знай свою меру, князь.

ПОЖАРСКИЙ. Скажи, что я болен.

БОЯРИН. То, что идти не хочешь, понятно. У царя были сумления на этот счёт.

ПОЖАРСКИЙ. Почему же он мне велит, если всё понимает? Почему вас никого не посылает? Вам не по чину, а мне, значит...

БОЯРИН. По отеческим местам род Салтыкова выше твоего.

ПОЖАРСКИЙ. Не пойду.

БОЯРИН. Ладно. Хорошо. Неволить тебя никто не будет. Пошлём думного дьяка объявить Салтыкову боярство.

ПОЖАРСКИЙ. А я не пойду.

БОЯРИН. Не боишься?

ПОЖАРСКИЙ. Не пойду!

БОЯРИН. Ну, тихо, ну чего ты? Дьяка пошлём, а про тебя напишем, что ты объявил. Чтобы по уставу, как заведено.

ПОЖАРСКИЙ. Это ваше дело. А я не пойду.

БОЯРИН. Ну и всё. *(Вздыхнув.)* Да, не легко с тобой.

Расходятся.

Затемнение.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

БОЯРИН. Не вышло так, как мы хотели, Дмитрий Михайлович. Салтыков прознал, что ты отказался объявлять ему боярство. И просит у государя обороны от бесчестья. А царю что делать? Сам понимаешь, он должен сыскивать по счёту, кто на каком месте по роду и отечеству. Иначе порядка не будет. Все братья-бояре на стороне Салтыкова.

ПОЖАРСКИЙ. Так уж и все?

БОЯРИН. Ну, не все, есть, которые тебе сочувствуют... Но поделаться ничего не могут. Нашими предками заведено смертной казнию спорить об отечестве. Салтыков прав. Его предки разрядами выше, чем твои. А ты ему поклониться не желаешь.

ПОЖАРСКИЙ. И что теперь?

БОЯРИН. Велено тебя выдать ему головою.

ПОЖАРСКИЙ. Меня?.. Головою?..

БОЯРИН. Поэтому я со стрельцами.

Появляются Секирин и несколько стрельцов.

ПОЖАРСКИЙ. Секирин, ты же меня знаешь.

СЕКИРИН. Прости, князь. Наше дело служба.

БОЯРИН. И ты, как человек служилый, должен подчиниться.

ПОЖАРСКИЙ. Силой ведите, добром не пойду.

СЕКИРИН. Прости, Дмитрий Михайлович. *(Даёт знак стрельцам.)*

Двое стрельцов подходят к Пожарскому, кладут руки на его плечи и выводят на авансцену. Появляется Салтыков.

САЛТЫКОВ. По древним обычаям обидчик должен стать на колени.

СЕКИРИН. Князь Дмитрий Михайлович, выданный головою должен стать на колени перед обиженным. И не вставать до тех пор, пока не выпросит прощения.

ПОЖАРСКИЙ. Ты меня выдаёшь, ты и ставь.

СЕКИРИН. Я тебя выдаю?.. *(Идёт к боярину.)* Смилуйся, боярин, не могу... *(Под строгим взглядом боярина возвращается к стрельцам.)* Ставьте. *(На непонимающие взгляды стрельцов.)* Силой ставьте, чего непонятного?

Стрельцы опускают князя на колени.

САЛТЫКОВ. А теперь отойдите. *(Когда стрельцы отошли, ходит вокруг строящего на коленях Пожарского.)* Вот зачем ты это сделал? Всех нас принудил к такому вот... *(Делает неприличный жест.)* Но дело должно быть исполнено по древнему уставу, как нам предки завещали. Ты же младше меня по отечеству. Знаешь это хорошо, но решил своё геройство выказать. А в воеводы тебя выбрало земство. В твоих полках служили бояре, окольниковы, большие дворяне, а ты был всего лишь стольник. Старших уважать надо было, а ты над ними... *(Делает ещё один жест.)* Что ты про них сказывал царю? Что многие из них оказались воевать не пригодными, лишь гонор свой выказывали перед младшими, а служба их родовое дело. Что-де твой купец Кузьма Минин показал им как надо. А не было такого, мы-то помним. Мы все отечество наше как могли, освобождали от поляков. *(В ответ на ироничный взгляд Пожарского.)* Да-да. И я свою лепту нёс, ты не смейся. Каждый был на своём месте. А тебе лишь бы поносить тех, кто старше родом. Ты же нашего царя-государя раскручинил. Ты вроде и герой и тебя наказывать надо. Что ему делать? Ты какие речи про меня говорил? Всякий, кто Бога боится и помнит крестное целование беречь порядок отеческий, таких слов говорить не станет. Поэтому я и подал челобитную на оскорбление рода Салтыковых. Ты же бесчестил род матери царя! Наши предки разрядами выше, чем твои. Согласен с этим? *(Пауза.)* Ладно, вставай, повинную голову меч не сечет.

ПОЖАРСКИЙ *(встав и отряхнув колени)*. А я перед тобой ни в чём и не винулся.

САЛТЫКОВ *(подойдя к боярину)*. И мне потом нужно будет называть его братом? Ведь мы же вместе будем в боярской думе сидеть. Уводите его с моего двора. *(Уходит.)*

БОЯРИН. Секирин, уводи.

СЕКИРИН *(Пожарскому)*. Пошли. Прости ты меня, Дмитрий Михайлович. Сам понимаешь, служба.

ПОЖАРСКИЙ. Да уж понимаю.

Затемнение.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Прошло более двух лет.

ПРАСКОВЬЯ *(вбегая в сильном возбуждении)*. Митрий!.. Митрий!..

ПОЖАРСКИЙ *(появляясь)*. Ты чего? Горим?

ПРАСКОВЬЯ. Гонец!.. Гонец только что был!.. *(Чуть не подает.)*

ПОЖАРСКИЙ *(поддерживая её)*. Что за гонец? Откуда? С чем?

ПРАСКОВЬЯ. Царица!.. Мать-царица к нам едет... Гонца выслали предупредить, чтобы встречали...

ПОЖАРСКИЙ. Царица? Старица Марфа к нам? С чего это вдруг?

ПРАСКОВЬЯ. Встретить!.. Встретить надобно!..

ПОЖАРСКИЙ. Да ну что ты так?.. Сердце же остановится.

ПРАСКОВЬЯ. Оденься! Кольчугу свою надень! Нет! Нагрудник парадный! Где он? *(Выбегает, возвращается с металлическим нагрудником.)*

ПОЖАРСКИЙ. Зачем? Да просто встретим. Величавое наденем...

ПРАСКОВЬЯ. Ты же воин! Давай, скорее!.. *(Напяливает на него нагрудник, шнурует сзади.)*

ПОЖАРСКИЙ. Да ну что ты?.. Так на сбор, на военные смотрины одеваются!.. Сзади плащ надобно.

ПРАСКОВЬЯ. Плащ!.. Где он?.. *(Находит.)* Вот! Скорее! *(Надевает.)*

ПОЖАРСКИЙ. Да не так!.. погоди, я Ивашку кликну...

ПРАСКОВЬЯ. Шлем!.. Где он?

ПОЖАРСКИЙ. Шлем-то зачем? Ну что царица подумает? Я сижу дома в боевом облачении? Что Марфа Ивановна подумает?

ПРАСКОВЬЯ. Все же знают, что тебя должны послать воеводой на Смоленск. Поэтому ты должен смотреться в полной готовности.

ПОЖАРСКИЙ. Прасковья!.. У тебя ум-то есть? Ну, не надевают нагрудник на такую рубаху!

Из-за кулис крики: «Едут! Встречайте!»

ПРАСКОВЬЯ. Скорее! Если на крыльцо не выйдем, что она подумает?

ПОЖАРСКИЙ. Так вот ты подумай хоть чуток, что она подумает!..

*Они выходят.
За кулисами переполох. Затем стихает.
Через некоторое время входят двое стрельцов,
осматривают помещение и становятся при входе.
Входит старица Марфа с монахинями-прислужницами.
За ними Пожарский и Прасковья.*

МАРФА ИВАНОВНА. Я сейчас же поеду, так что не беспокойтесь. Никаких угощений не надо, у меня сегодня пост. Я в монастырь на богомолье, и вот решила к вам завернуть. *(Монахине.)* Дай-ка. *(Монахиня подаёт ей узелок.)* Это тебе, Прасковья Варфоломеевна. *(Вручает узелок.)*

ПРАСКОВЬЯ. Так а мы... А от нас...

ПОЖАРСКИЙ. Хоть бы предупредили как-то...

МАРФА ИВАНОВНА. Я же говорю, ничего не надо.

ПРАСКОВЬЯ. Да как же без гостинцев?..

МАРФА ИВАНОВНА. А ты чего так одет, князь? *(Весело.)* Смешно как-то вырядился.

ПОЖАРСКИЙ. Да это я... *(Строго взглянув на Прасковью.)* Это я, чтобы встретить... Нам как сказали, что вы, матушка, уже, мы тут и забегали, как заполошенные.

МАРФА ИВАНОВНА *(монахиням)*. Ступайте. *(Стрельцам, громче.)* И вы тоже! *(После того, как прислуга вышла.)* Ну, как живёте?

ПРАСКОВЬЯ. Да мы... Как-то вот...

ПОЖАРСКИЙ. Постом и молитвой.

МАРФА ИВАНОВНА. А сыновья, дочки?

ПРАСКОВЬЯ. Слаба Богу.

ПОЖАРСКИЙ *(показывая на свой нагрудник, весело)*. Вот, готовлюсь к походу на Смоленск. Милославский как сказал, что меня хотят воеводой послать, так я в хлопотах целыми днями.

МАРФА ИВАНОВНА. Ну, бояре много чего наговорят.

ПОЖАРСКИЙ. Да мы, матушка, понимаем. Как ваш сын-государь решит, так и будет. Слыхали мы, что ваши племянники, Миша и Боря Салтыковы, хорошие места при дворе получили.

ПРАСКОВЬЯ. Дети сестрицы вашей. Так от нас им низкий поклон.

МАРФА. Зачем же ты с Бориской тогда позорище затеял? Не желал ему поклониться.

ПОЖАРСКИЙ *(не сразу)*. Так если б от вас тогда, матушка, повеление было, я бы не раздумывая.

МАРФА ИВАНОВНА *(весело)*. Умеешь ты!.. *(Серьёзно.)* Если мы за прежние порядки радеем, то всё должно быть, как учит церковь, по стародавнему завету. А по прежним законам каждый должен знать своё место службы и росписи по разряду. Не всё будет так, как бояре хотят.

ПОЖАРСКИЙ. Так бояре этого и хотят.

МАРФА ИВАНОВНА. Ну, тебе ли не знать, ты сам давно боярин.

ПОЖАРСКИЙ. Я со старшими не очень. Они ко мне свысока. А хотят они как раз, чтобы всё как прежде, по старым отеческим порядкам. По прежним местам.

МАРФА ИВАНОВНА. А чего же требуют, чтобы без их ведома царь ничего не учинял? Чтобы никого не казнил, а судил их ласково.

ПОЖАРСКИЙ. Так ведь боятся. После Грозного-то.

МАРФА ИВАНОВНА. А ты?

ПОЖАРСКИЙ. А мне чего бояться? Я служу честно. А сына вашего, матушка, оценил я как государя, когда вы ещё в Ярославле сидели... Как он ловко тогда вырвал из рук боярских снабжение всем войском. Все сборщики только к нему, как он скажет. Это когда вы не торопились в Москву ехать из Ярославля.

МАРФА ИВАНОВНА. Так неведомо было, что здесь нас ждёт. Московские люди измалодушествовали, в бедах поискусились. Казаки разгулялись. Бояре неверны. Могут крест поцеловать одному и тут же изменить ради другого.

ПОЖАРСКИЙ. На низу про здешних так говорят. Сеют землю рожью, а живут ложью. Только я думаю, что зараза эта уже по всем землям раскинулась.

МАРФА ИВАНОВНА. Один ты у нас, Дмитрий Михайлович, всегда против супостатов лица своего не жалел. На воровские прелести и смуту не покусился.

ПОЖАРСКИЙ. Ксения Ивановна!..

МАРФА ИВАНОВНА (*засмеявшись*). Ну, спасибо, князь... Давно ко мне так никто не обращался. Только я своё девичье имя забыла совсем. Как мужа моего постригли, так стала я монахиня Марфа. А на него тогда здесь, на Москве, и наклеветали. Поэтому богопротивен мне народ тутошний.

ПОЖАРСКИЙ. Вам же довелось проживать в костромских землях. Знаете, что там люди другие. Слава Богу, не все такие, как здесь.

МАРФА ИВАНОВНА. Я там и не хотела, чтобы сын царём становился. Шереметев уговорил. Если собор всей земли выбрал, значит, ваше дело служба. А я не желала Мишеньке судьбы прежних. Чтоб его убили как сына Годунова? Или как Гришку Отрепьева? Или, чтоб постригли как Шуйского? Я-то знаю, каково это. Моего мужа стригли уже, и меня вместе с ним, да потом ещё сослали, так что больше не хочу, хватит.

ПРАСКОВЬЯ. Ничего нового не слыхать про мужа вашего? Как он там, у поляков?

МАРФА ИВАНОВНА. Да что ж хорошего в плену?

ПОЖАРСКИЙ. Поляки с ним не по-божески обошлись. Чтобы арестовать послов, это... (*Сокрушённо качает головой.*) Это!.. Ничего, за всё ответят. Им не уняться никак, всё лезут, чтобы престол московский захватить. Но теперь, когда у нас царь, мы им не спустим. (*Показывает кулак.*) Вот пойду на Смоленск, тогда увидят.

МАРФА ИВАНОВНА. Значит, в хлопотах и заботах всё?

ПРАСКОВЬЯ. С Божьей помощью.

ПОЖАРСКИЙ. Я их в позапрошлом году у Можайска остановил. В прошлом дал им отпор. Да и по давешним годам они меня хорошо помнят.

МАРФА ИВАНОВНА. Я вот чего заехала. Ты, князь начал закладывать храм.

ПОЖАРСКИЙ. Да, на том самом месте...

МАРФА ИВАНОВНА. Иконы Казанской Божьей матери.

ПОЖАРСКИЙ. Да, заступницы и спасительницы нашей. Икона сейчас в моей домашней церкви.

МАРФА ИВАНОВНА. Так вот мы бы хотели помочь. (*Улыбаясь.*) Примешь наше участие? В постройке храма?

ПОЖАРСКИЙ *(растерянно)*. Так ведь... Знаешь ли, матушка... Не могу никак. Не сердись только. Я ведь слово дал перед Господом. Построю только на свои средства. Митриполит Кирилл благословил, освятил место...

ПРАСКОВЬЯ *(увидев изменение в лице старицы, встревожено)*. Что с тобой, матушка?

МАРФА ИВАНОВНА *(сдерживая трясущиеся руки)*. Ничего, это пройдёт. Это у меня началось после ссылки. Потом сидение невольницей, когда за сына переживаешь, смерть дочери...

ПРАСКОВЬЯ. Понимаю, как же.

МАРФА ИВАНОВНА. Начинает трясти, кровь в голову ударяет...

Вбегает монахиня, даёт старице что-то понюхать.

ПРАСКОВЬЯ. Может, водицы принести, квасу?

МАРФА ИВАНОВНА. Всё уже. Бывает. Накатит, но я держусь. Поедем мы. Береги вас Господь. *(Крестит углы помещения.)*

ПОЖАРСКИЙ. Ты только не сердись на меня, матушка, на раба твоего...

МАРФА ИВАНОВНА. Да ну что ты, князь. Только на тебя у нас большая надежда. Не такая, как на Трубецкого. И городок Вагу с богатыми деревнями мы у него отберём. Он же лучшую волость государеву получил в награду от Земского собора, а не из наших рук, верно?

ПОЖАРСКИЙ. Было такое. Я даже подписывал ту грамоту.

МАРФА ИВАНОВНА. Тебя, я думаю, бояре принудили?

ПОЖАРСКИЙ. Я, признаться, не мог взять в разум тогда, за что воеводе лучшие царские уголья, за какие такие заслуги? Ну, стоял он против поляков, но он же тушинскому вору служил.

МАРФА ИВАНОВНА. Ничего. Вернётся из плена мой муж, патриарх Филарет, и мы порядок наведём.

ПОЖАРСКИЙ. Дай-то Бог.

МАРФА ИВАНОВНА. Так что ты нам очень нужен. Много разумеешь.

ПОЖАРСКИЙ. Я даже подсказать кое-что хочу. Только не знаю как.

МАРФА ИВАНОВНА. Ну, говори.

ПОЖАРСКИЙ. Вы не на бояр, вы с дьяками построже. Приглядитесь к ним. Дьяки ещё при Иване Грозном разбогатели неправедными мздоимствами. Даже его не боялись. А при Годунове так вообще. Понастроили себе палат, не хуже боярских.

МАРФА ИВАНОВНА. Ну что ж. Передам сыну.

ПОЖАРСКИЙ. Великая разруха, матушка, с того и почалась. Смута вот здесь рождается. *(Стучит себя пальцем по голове.)* Когда решаем делать не по уму и совести, а живём аки звери. Лишь бы мне сытно, да побольше. Остальные пусть сами, кто как может. Умы замутились не от того, что Грозный убил своего старшего костылём, средний был умом не силён, а младшего в Угличе зарезали. Души покривились, когда наушники поднялись. Тайный надзор, донос и клевета стали править. Холопы и воры подслушивали, чтобы схватить каждого, кто сказал о царе неосторожное слово, лишь бы захватить часть имущества хулителя.

МАРФА ИВАНОВНА. Это мы понимаем. Сами от того пострадали. Ладно, прощайте. Счастливы будьте. Поеду я. *(Идёт на выход с монахиней, останавливается.)* Да, вот ещё что... Говоришь, в поход собираешься? Воеводой на Смоленск? Так вот, Милославский тебе старые слухи передал. Думали мы послать тебя к Смоленску воеводой, думали. Но теперь решили, что лучше туда отправить Шереметева.

ПОЖАРСКИЙ *(ошеломлённо)*. Вот как?.. Вот оно что...

МАРФА ИВАНОВНА. Да, Шереметева.

ПОЖАРСКИЙ. Ну, Фёдор Иванович да, он может... Мы с ним были в ответе у английского посла... Он умеет, конечно...

МАРФА ИВАНОВНА. А ты возглавишь Ямской приказ. Прощайте.

*Старица Марфа Ивановна с монахиней уходят.
Пожарский тяжело садится.*

ПОЖАРСКИЙ. Всё, повоеводствовал.

ПРАСКОВЬЯ. А я тебе могу объяснить, почему так вышло.

ПОЖАРСКИЙ. Да я и сам разумею. Если меня послать на Смоленск, то я буду там биться, я полякам спуску не дам. А им надобно миром батюшку Филарета из плена вызволить. Вот и посылают Шереметева. Родственник, да и хитрый.

ПРАСКОВЬЯ. Да и постарше тебя будет.

ПОЖАРСКИЙ *(вскакивает, раздражённо)*. Ты зачем на меня этот нагрудник?.. Я стоял перед ней как дурачок в этом нагруднике!.. *(Пытается сорвать нагрудник.)*

ПРАСКОВЬЯ. Ну, что ты так, Митя?.. Ну, дай развяжу!.. *(Помогает снять нагрудник.)*

ПОЖАРСКИЙ. Меня, воеводу, на Ямской приказ бросают!..

ПРАСКОВЬЯ. Так ведь порядок всюду нужно наводить.

ПОЖАРСКИЙ *(швыряя снятый нагрудник)*. А чтоб тебя!.. Знал бы друг мой, покойный Кузьма Минич, до чего я дожил!.. *(Вверх.)* Слышишь ли ты меня, видишь ли, чего мне терпеть приходится?.. Эх, друг ты мой, Кузьма Минич... Зачем ты умер два года назад?.. С кем теперь поговорить?.. Опять найдёт чёрный недуг...

ПРАСКОВЬЯ. А ты духовнику покайся. Выговори всё, что чёрное на душе.

ПОЖАРСКИЙ. А что духовник? Свой человек. И поймёт и посочувствует, и за грехи твои помолится. Ты лишь плати да кайся. Кайся да плати.

ПРАСКОВЬЯ. Ну, вот чего ты отказался взять от неё на храм?

ПОЖАРСКИЙ. Не мог!

ПРАСКОВЬЯ. Взял бы, глядишь, не так, по-другому вышло. Она же по-доброму, от души.

ПОЖАРСКИЙ. Они дадут чуть, а потом будут хвастать, что на их деньги храм построен. И ничего уже не докажешь. По-доброму, от души!.. Не верю я в их доброту. А потому нельзя было брать. От меня бы все наши отвернулись. Кузьма Минич на том свете проклял бы, потому как он свои на церковь давал, и с ополченцев бывших собирал. Это наша церковь. Икона нас защищала. Где они были, когда мы с поляками бились? Романовы, Салтыковы где были? Теперь-то они герои!

ПРАСКОВЬЯ. Она же искренне, от всего сердца помочь хотела.

ПОЖАРСКИЙ. Не верю я им.

ПРАСКОВЬЯ. Ну, зачем ты так, Митя?

ПОЖАРСКИЙ *(тяжело вздохнув)*. Умереть хочу. Ничего так не хочу, как умереть. Ты вот что, Прасковья... Знай и детям передай. Как умру, чтоб меня здесь не хоронили, не приведи Господь. Чтоб свезли, я так велю, на костромскую землю, в нашу родовую усыпальницу.

ПРАСКОВЬЯ. Детям передам. А сама не смогу. Я раньше тебя помру, Митя.

ПОЖАРСКИЙ. Ты чего такое говоришь? Ты же младше меня годами.

ПРАСКОВЬЯ. Я так сердцем чую.

ПОЖАРСКИЙ *(обняв её одной рукой)*. Ну-ну, чего ты? Оба умрём, когда наш час приспееет.

ПРАСКОВЬЯ. Только сперва пострадать надобно. Так Бог велит.

ПОЖАРСКИЙ *(весело)*. Это мы умеем!.. *(Затем мрачнеет.)* Почему всякое мелкое зло у нас заправляет? Где правда?

ПРАСКОВЬЯ. Правда всё одно прорастет. Такое уж она божье создание.

ПОЖАРСКИЙ. Так она править должна. А она лишь время от времени прорастает. Как из застенок вырывается. Вот и правят у нас мелкие грызуны. Только о себе, дальше своего амбара не видят. Да и не могут. А истинных князей, слуг народа и земли, сами когда-то перебили. Вот и жируют те, кто умеют властвовать, а не служить. Властвовать много ума не надо, лишь бы аппетит хороший. А вот чтобы служить, тут в узде себя держать хорошо бы. А как? Не каждый сможет. А властвовать желает всякий. От того-то все и беды.

ПРАСКОВЬЯ. А я тебе могу сказать, почему так выходит.

ПОЖАРСКИЙ. Да я и сам знаю.

КОНЕЦ

август 2009 года, Санкт-Петербург.

(P.S. После смерти жены, князь Дмитрий Михайлович Пожарский женился во второй раз в 1626 году.)

